

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЭТУ ШКОЛУ ПРОХОДЯТ
ТОЛЬКО ИЗБРАННЫЕ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

СИРИЙСКИЙ СКАЛЬПТЕЛЬ

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников
Сирийский скальпель

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Сирийский скальпель / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-699-96114-6

Американские самолеты разбомбили гуманитарный конвой, следовавший в Алеппо. В результате четверо российских военных попали в руки боевиков. Пленников готовят к отправке в Европу, чтобы там продать на органы. Организаторы черного трафика подсчитывают прибыль, еще не подозревая, что их кровавым планам не суждено сбыться. Все потому, что на выручку своим уже спешит группа российского спецназа под командованием майора Сергея Жилина. Когда на кону жизни соотечественников, бойцов не остановят ни крепкие стены, ни вооруженные до зубов телохранители палачей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96114-6

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Сирийский скальпель

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Сирия, Латакия – Джиср-эль-Шугур – Ферейка – Эриха

Наше время

Колонна вышла из Латакии ранним утром. Двенадцать грузовых автомобилей проехали по неровной грунтовке и на выезде из города встретились с четырьмя «бэтээрами». Все грузовики были выкрашены в белый цвет, на бортах и крыше каждого красовались большие красные кресты.

Всего для сопровождения гуманитарного конвоя командование выделило два отделения из роты охраны российской авиабазы Хмеймим. Оба отделения распределились по боевым машинам, занявшим места в голове и в хвосте колонны.

– Ну что, бойцы, готовы? – спросил по радиации командовавший конвоем старший лейтенант Осипов.

– Так точно! – доложили старшие машин.

– Всем смотреть в оба! Дорога плохая, не гоним. Скорость – сорок-пятьдесят километров в час. Вперед!

Головные бронемашины начали движение, колонна, растянувшись на две сотни метров, последовала за ними...

Все двенадцать грузовиков везли более тридцати тонн гуманитарной помощи, так необходимой сейчас истерзанным войной жителям Алеппо. В основном в кузовах находились продукты, но были также и медикаменты, перевязочный материал, одежда, обувь, одеяла, палатки. В Алеппо эту помощь ждали – небольшое подразделение правительственных войск выдвинулось для встречи колонны на десять километров по южной трассе.

Утро радовало безветрием и ярким солнцем – на небе ни одного облачка. От Латакии до конечного пункта маршрута – Алеппо – по прямой было ровно сто тридцать километров, а по петлявшей в лесистых горах дороге – около двухсот. По пути предстояло проехать мимо нескольких крупных населенных пунктов: Джиср-эль-Шугура, Ферейки, Эрихи, Серакиба. Причем три последних находились уже на равнине, путешествие по которой представляло серьезную опасность.

Вся территория от Латакии до Алеппо давно контролировалась правительственными войсками. Однако война в Сирии отчасти напоминала затяжной конфликт в Афганистане, где боевики в моменты опасности рассовывали оружие по тайникам и принимали обличие мирных граждан. Задержи такого и попробуй отгадать с трех раз, кто он: игиловец, умеренный, сочувствующий правительству Асада или далекий от политики крестьянин, никогда не державший в руках ничего, кроме лопаты и мотыги?..

Выдерживая общее направление на северо-восток, дорога долго петляла по дну широкого ущелья. Слева и справа проплывали небольшие селения, на пологих склонах местами зеленели виноградники...

Первый этап до Джиср-эль-Шугура колонна прошла за один час двадцать две минуты без единой задержки. Когда первый город остался позади, дорога резко повернула на юго-восток, и сразу на горизонте показался второй городишко – Ферейка, более похожий на большое селение.

– Равнина, командир, – напомнил сидевший рядом с водителем первого «бэтээра» сержант Рымов.

– Вижу, – откликнулся старший лейтенант.

Высунувшись в проем открытого люка, он обозревал окрестности. Идущие по асфальтовой дороге машины были и впрямь как на ладони. Не дай бог, если к трассе прорвутся боевики радикальных группировок и устроят засаду.

«Не должны. Перед отправкой конвоя наша разведка хорошо поработала с сирийскими коллегами, – успокаивал сам себя Осипов. – На инструктаже у командира базы подполковник Суслов докладывал о чистоте маршрута и отсутствии бандформирований на всем участке от Латакии до Алеппо...»

На равнине дорожное покрытие стало получше. За последующие полчаса колонна миновала второй городишко и снова повернула на северо-восток.

– До Эрихи осталось десять верст, командир, – водил по карте пальцем сержант. – А от Эрихи до Серакиба – двадцать, а после – прямая как стрела трасса до Алеппо. Это еще полтинник...

Всю эту «бухгалтерию» старший лейтенант помнил. Подготовка к конвою длилась аж трое суток. Командир базы, начальник штаба, начальник разведки и даже старший штурман часами занимались с расчетами машин: изучали каждый этап маршрута движения, отрабатывали связь, меры безопасности и действия в случае нападения боевиков.

В общей сложности колонна к данному часу прошла ровно половину пути. Еще сотня километров, и гуманитарный груз прибудет к месту назначения.

«Скорее бы, – вздохнул офицер, поглядывая вперед сквозь оптику бинокля. – В Алеппо перекусим сухпаями и сразу рванем обратно...»

Согласно полученному распоряжению, Осипов сам выходил на связь с базой в начале каждого часа. Но когда колонна подъезжала к городу Эриха, радист внезапно доложил:

– Командир, вас спрашивает начальник штаба базы.

Старший лейтенант спустился в утробу бронированной машины, надел на голову гарнитуру и, пододвинув поближе микрофон, проговорил:

– Вышка, Солист на связи!

– Солист, наши средства ПВО только что зафиксировали в небе малоразмерный объект.

– Наш?

– Наших самолетов и вертолетов по маршруту Латакия – Алеппо нет. Предполагаем, что это тактический разведывательный беспилотник RQ-5 «Хантер», принадлежащий войскам коалиции.

– А где он находится?

– Севернее вашего места на пять-шесть километров.

– Каковы наши действия?

Вздохнув, начальник штаба базы посоветовал:

– Двигайтесь в прежнем режиме. Но будьте начеку – от наших... так сказать, союзников не знаешь, чего ожидать.

– Понял вас...

Закончив сеанс связи, Осипов вернул гарнитуру связисту, вновь высунулся наружу и стал обозревать чистое голубое небо.

– Чего там, командир? – послышался снизу голос сержанта Рымова.

– Наши засекли в этом районе неизвестный беспилотник, – ответил тот, поднимая бинокль.

В бездонном голубом небе не было ничего. То ли беспилотник был небольшим, то ли находился слишком далеко.

Через минуту голова сержанта появилась в проеме соседнего люка. Он вопросительно глянул на спокойного старлея и спросил:

– Так, может, это... передать информацию старшим машин?

– Зачем? – невозмутимо отозвался Осипов. – Если «Хантер» здесь по другим делам, то нам ничего не угрожает. А если по нашу душу, то...

– Что «то»?

– То нам все равно не уйти. Здесь равнина, и спрятаться негде. Так что едем, как ехали. Кстати, вон он.

Опустив бинокль, Осипов показал рукой вверх и немного в сторону, где только что заметил крохотную точку.

Присмотревшись, Рымов тоже заметил ее в небе.

– Высоко, – оценил он. – Неужели он с такого расстояния все видит?

– Почти все.

– А нас видит?

– И нас с тобой видит.

Темная точка находилась правее дороги и перемещалась крайне медленно. Порой казалось, что она и вовсе зависла на месте. Спустя некоторое время беспилотный аппарат приблизился к трассе, по которой следовала колонна, сделал большой вираж и ушел на восток, в сторону иракской границы.

А вскоре радист снова позвал Осипова к радиостанции.

– Солист на связи! – прокричал старший лейтенант и услышал сквозь гул двигателя знакомый голос начальника штаба:

– Солист, я – Вышка! Слушай меня внимательно: десять минут назад сирийско-иракскую границу пересекло несколько скоростных воздушных целей. Идут на малой высоте в сторону Эрихи.

– Американцы?

– Похоже на то. Скорее всего звено истребителей. Будьте начеку.

– Понял, Вышка! Какое подлетное время?

– В районе Эрихи они появятся через двенадцать минут.

– Прикрыть с воздуха успеете?

– Уже поднимаем две пары. Но, боюсь, американцы будут над вами первыми.

– Понял вас, Вышка! Постараемся где-нибудь укрыться.

Бросив гарнитуру связисту, Осипов рванул к люку и, высунувшись в проем по пояс, стал быстро оглядываться по сторонам.

– Черт! – пробормотал он. – Здесь и на велосипеде толком не спрячешься...

До Эрихи оставалось около пяти километров.

Самым приемлемым вариантом было бы укрыть грузовики в узких городских улочках, где их непросто найти даже вертолетам. Но тяжелые автомобили ползли слишком медленно, и до города за оставшиеся десять минут колонна определенно добраться не успеет. Справа от трассы виднелось небольшое селение, а вокруг – открытая равнина, сплошь занятая зеленеющими виноградниками.

– Может, в селение? – возник в соседнем люке сержант. Во время разговора с начальником штаба он находился рядом и суть тревожного сообщения ухватил.

– Маловато оно, – сомневаясь, поморщился старший лейтенант.

– Да, спрятаться там сложно. А что, если под мост?

Впереди виднелась автодорожная развязка с мостом, под который ныряла пересекающая ее второстепенная трасса.

Но и этот вариант Осипова не устроил.

– Если наша колонна является целью, то «пиндосы» разрушат мост первым же ракетным залпом, – сказал он. – И тогда это укрытие станет нашей могилой.

– Куда ж тогда?..

Старший конвоя и сам не видел выхода из создавшейся ситуации. Немного подумав, он вынул из нагрудного кармана рацию и скомандовал:

– Колонне – стоп!

Спустя несколько секунд вдоль остановившихся грузовиков бежал знавший сирийский язык сержант и передавал приказ Осипова:

– Дистанция между автомобилями – сто пятьдесят метров! Идем в Сабах на максимальной скорости!..

Самолеты «F-16 Fighting Falcon» в Сирии знали многие – от детей, стариков и женщин до военных любых родов войск. И дело не в том, что данный легкий истребитель четвертого поколения считался самым распространенным боевым самолетом в мире. Причина была в том, что они летали в небе Сирии чаще других, появляясь то от турецкой границы, то со стороны Израиля, Иордании или Ирака.

В 2013 году турецкие «F-16» уничтожили сирийский транспортный вертолет «Ми-17». Годом позже «F-16» сбил сирийский «МиГ-23», а в 2015 году эти же самолеты сбили российский бомбардировщик «Су-24М». Наносили удары по сирийским объектам израильские «F-16», американские и даже бельгийские. Одним словом, очертания этих ненавистных воздушных убийц сирийцы знали достаточно хорошо. Знали их и российские военнослужащие.

Две пары истребителей вынырнули из-за небольшой возвышенности, когда растянувшуюся по дороге колонну отделяло от Эрихи всего полтора километра. Одновременно с самолетами, но чуть выше, вновь появился и беспилотник.

– Сволочи! Точно по нашу душу прилетели, – прошептал Осипов и приказал по рации: – Парни, открыть люки, и всем на броню!

Выбравшись из душного нутра, бойцы заняли места снаружи «бэтээров». Все пристально наблюдали за действиями американских самолетов.

Пройдя с ревом над колонной, те выполнили затяжной вираж, разделились на пары и, зайдя со стороны солнца, встали на боевой курс.

– Не нравятся мне их маневры, – заметил Рымов, настороженно глядя в сторону истребителей.

Все это походило на грандиозную провокацию, но старший лейтенант сохранял спокойствие и не верил в то, что американские пилоты отважатся атаковать колонну с мирным грузом. Не верил до тех пор, пока не увидел, как от фюзеляжей приближавшихся истребителей отделяются точки, оставляющие за собой дымный след.

– Колонне – стоп! Все на обочину! – прокричал он в микрофон радиостанции.

Дистанция пуска ракет «воздух – поверхность» была невелика – километра полтора-два. Дав залп, первая пара самолетов сразу же взмыла вверх. На смену ей на боевой курс легла вторая и тоже произвела пуск.

Приказ Осипова увеличить дистанцию между автомобилями затруднил американским летчикам задачу мгновенного уничтожения всей колонны. Две ракеты угодили в передовой «бэтээр», еще две покалечили один из грузовиков. Четыре ракеты, выпущенные второй парой, разорвались в середине остановившейся колонны, опрокинув один из грузовиков и подпалив другой.

– Сколько у них всего ракет? – крикнул сквозь грохот разрывов Рымов.

– А черт их знает! – ответил старший лейтенант. – Вроде девять точек подвески, а сколько реально подцепили ракет – не знаю...

В неглубоком приямке недалеко от дороги прятались четверо: старший лейтенант Осипов, сержант Рымов и рядовые Катаев с Панютиным. Именно они ехали в головной машине.

Некоторые не успели выполнить приказ и остались в бронемашинах, остальные рассредоточились вдоль трассы.

Тем временем истребители закончили второй вираж и выполнили заход для нанесения следующего удара.

– Опять идут, – процедил сержант, вжимаясь в грунт. – Не зря мой батя называет их самой жестокой и циничной нацией на свете...

– Полагаю, этот заход будет последним, – следя за самолетами, сказал Осипов.

– Вы так думаете?

– Они не станут здесь долго «светиться». Рядом наша база, с которой наверняка уже взлетели перехватчики. Пригните головы – они пустили ракеты!..

Результатами второго захода стали шесть уничтоженных машин – пять грузовиков и предпоследний БТР. Однако на этом американцы не остановились и заложили очередной вираж.

– Совсем обалдели! – продолжал возмущаться Рымов. – Неужели наши не могут им сообщить, что это колонна с гуманитарной помощью?!

– По-твоему, «пиндосы» не знают об этом? – криво усмехнулся офицер.

– Может, и знают. Недаром же тут крутился беспилотник.

– У них и без него информации хватало. Наши по линии МИДа предупреждали коалицию о прохождении груза гуманитарной помощи.

– Тогда вообще ничего не понятно...

Атаковав колонну в третий раз, истребители ушли в восточном направлении. Вокруг установилась тишина – ни разрывов, ни гула реактивных двигателей.

В безоблачное сине-голубое небо от горевших машин и «бэтээров» поднимались клубы черного дыма. Несколько автомобилей валялись перевернутыми на обочине. На асфальтовой трассе и рядом с ней зияли большие воронки.

– Мука, что ли?.. – отряхивал камуфляжку от рассыпанного повсюду белого порошка Осипов.

Сержант ухватил с одежды щепотку и попробовал на вкус.

– Точно – мука. Причем самого мелкого помола. Вот сволочи! Сколько добра из-за них пропало!..

Глядя в небо, Осипов встал в полный рост.

– Ушли! А беспилотник вернулся и кружит в километре.

– Фиксирует результаты «героической» деятельности. Дать бы по нему из снайперки!

– Ты лучше пробежись вдоль дороги.

– Зачем? – плохо соображал после ракетного обстрела Рымов.

– Надо оказать помощь раненым и собрать здесь выживший народ, – спокойно объяснил старший лейтенант, направляясь к брошенной боевой машине. – Возьми Катаева, и проверьте все до единой машины. Панютин, ты следишь за воздушной обстановкой.

Подхватив автомат, рядовой Катаев побрел к асфальту. Сержант кивнул, но, прежде чем начать проверку, заметил:

– Товарищ старший лейтенант, только сирийцев уже не собрать.

– Почему?

Тот кивнул в сторону виноградников.

Офицер проследил за его взглядом и заметил уцелевших водителей, разбегавшихся прочь от дороги.

– Черт с ними! – махнул он рукой. – Все равно не осталось ни одной исправной машины...

Подчиненные принялись исполнять приказание, а сам Осипов попытался разыскать в разбитой бронемашине рацию...

Минут через пятнадцать Рымов с Катаевым вернулись. Оба были расстроены, лица – бледны.

– Глухо, товарищ старший лейтенант, – вздохнул сержант.

– В каком смысле?

– Во втором и в последнем «бэтэрах» сгорели все – прямые попадания ракетами. Предпоследний уцелел, а вот пацанов накрыло взрывом у обочины. Один был еще жив, когда мы подошли.

– Кто? – мрачно спросил Осипов.

– Головачев. Умер, не приходя в сознание, от осколочного ранения в голову.

– Вы всех нашли?

– Нет, товарищ старший лейтенант. Человек пять найти не успели.

– Так, может, они живы?

– Не знаем, – пожал плечами Рымов. – Скорее всего укрылись в винограднике, а живы или нет – сказать сложно. Мы кричали, но никто не отозвался.

Осипов прислонился спиной к раскаленной броне «бэтэра» и вздохнул:

– Хреново обстоят наши дела.

– А что с рацией, Владимир Иванович?

– Нет у нас связи. Разбита рация.

– Значит, нашим доложить не можем?

– Ты бываешь удивительно догадлив, Гена! – поморщился старлей. – Осталось придумать способ, как сообщить нашим обо всем произошедшем.

– Может, до селения прогуляться? – предложил рядовой Панютин.

Селение Эриха действительно находилось рядом – всего в одном километре от погибшей колонны. Но его размеры, пустынные улочки и скромность застройки не оставляли никаких надежд.

– И чего ты там найдешь? – недовольно сплюнул в пыль обочины старший лейтенант. – Современную рацию? Станцию спутниковой связи?..

– Смотрите! – прервал дискуссию Катаев.

Все повернулись в том направлении, куда указывал рядовой.

С северо-востока по шоссе быстро приближались два автомобиля.

– Кто бы это мог быть? – невольно потрогал цевье автомата сержант. – Может, те сирийцы, которые должны были нас встречать у Алеппо?..

Осипов стал всматриваться в пылившие по трассе машины. Приставив ко лбу козырек ладони, он щурился от яркого солнца и жалел о потерянном в суматохе ракетного обстрела бинокле.

«Кто бы это ни был, я могу послать с этими машинами гонца до ближайшего гарнизона, – размышлял он. – Пожалуй, отправлю двоих, сержанта Рымова и рядового Катаева, а сам с Панютиным останусь здесь до прибытия начальства. Да и тела погибших ребят надо перенести в одно место...»

Глава вторая

Российская Федерация, трасса Москва – Тольятти

Наше время

– Как же так, товарищ подполковник! В фильмах же показывают и в книгах пишут, как из пистолетов от бедра простреливают кисти рук или попадают точно в коленку.

Подполковник улыбнулся и снисходительно взглянул на вопрошавшего:

– Наверное, мне не повезло – в книгах такого не встречал. А в фильмах, товарищи курсанты, режиссеры могут показать что угодно. Особенно если он снят в Голливуде и с использованием компьютерной графики. Как инструктор по пулевой стрельбе с пятнадцатилетним стажем, скажу вам следующее: даже в мирных условиях трижды подряд попасть в «червонец» простой грудной мишени довольно сложно. Не говоря уж о боевой обстановке и о движущейся цели...

Проводивший занятия подполковник прошелся вдоль строя курсантов, приблизился к столу, на котором ровным рядом лежали пистолеты Макарова. Легонько прикоснувшись к рукоятке ближайшего, снова повернулся к строю:

– Многие из вас станут командирами рот, батальонов и даже бригад. Но и в те далекие времена, уже имея за плечами немалый боевой опыт, вы будете палить мимо проклятых грудных, ростовых и стандартных мишеней. Нет, разумеется, некоторые выстрелы станут удачными, но большинство пуль уйдет в «молоко». Ведь это, товарищи курсанты, всего лишь бумажный противник, который не отстреливается, не меняет своего положения в пространстве! Здесь, в тире, отличное освещение, и нет ветра, здесь адреналин не заставляет трястись ваши ладони. Верно?

– Так точно! – ответил за всех молодой паренек, задавший наставнику вопрос.

– А в бою, братцы, все по-другому, и это я знаю по собственному опыту. Руки ходят ходуном, цель мельтешит, стараясь сбить тебя с толку, порывистый ветер вносит поправки и норовит выдавить из твоих глаз слезу. Ты целишься противнику в руку, а в результате попадаешь в грудь или в голову. А какой-нибудь умник из штаба, стрелявший за свою жизнь два с половиной раза, потом распекает: «Какого черта ты его убил, вместо того чтобы подранить и взять живым?!»

Соколов вспомнил свои курсантские годы, когда сидевший сзади Жерин начал рассказывать о давних приключениях.

Группа майора Соколова ехала по ночной трассе из Москвы в Тольятти. В первом внедорожнике, помимо не имевшего к группе отношения водителя, находились сам Анатолий Соколов, его заместитель капитан Костин и стрелок, капитан Жерин. Во втором автомобиле сонно смотрели в темные окна сапер, старший лейтенант Владимир Губин, снайпер прапорщик Алексей Якушев и ликвидатор прапорщик Александр Тригунов. Все шесть бойцов состояли в штате группы специального назначения, имевшей кодовое название «Ангара».

«Эх, молодость, – вздохнул Соколов. – Кажется, совсем недавно окончил школу, надел курсантскую форму и принял присягу. А прошло уже десять лет...»

Сидевший сзади Жерин вещал о своих воспоминаниях. Майор решил послушать.

– ... Меня всегда недооценивали из-за большого роста и невзрачной внешности. И началась эта несправедливость еще в училище. Нет, даже не в училище, а в школе... – делился давними впечатлениями капитан Андрей Жерин. – Во время конфликтов пацаны с параллельного класса обычно кидались на моих товарищей, а решающая плюха прилетала от меня. Я юркий – бегал среди неприятельской компании и раздавал плюху за плюхой.

– Ты же историю какую-то рассказать хотел, – напомнил заместитель Соколова – капитан Владислав Костин.

– Да, точно. Так вот, вернулся я как-то домой пьяный после операции в подмосковном Подольске. Помните такую?

– А то! – откликнулся капитан. – Знатно в тот вечер расслабились.

– Я редко дома появляюсь пьяным, а тогда нам здорово досталось.

– Да, Сашка Тригунов в Подольске пулю словил, – согласился Соколов. И, обернувшись к товарищу, сказал: – Ты, кажется, обещал веселую историю, а не про наши ранения.

– Да, немного отвлекся. Короче, тогда был такой день, когда нормальному мужику жизненно необходимо нажраться. И вот прихожу я, значит, домой, раздеваюсь. Из кухни появляется супруга; видит, как я не могу справиться со шнурками, обзывает алкашом и замахивается полотенцем.

– Опа. А ты?

– А что я? Рефлексы не выключишь: прыжок в сторону и хук с правой. Зазноба моя пролетела по коридору обратно в кухню и там благополучно приземлилась головой об холодильник. Сидит, одной рукой держится за челюсть, другой за затылок и плачет.

Соколов, Костин и сержант-водитель беззвучно ржали, а рассказчик виновато вздыхал и поглядывал на проплывающие за окном огоньки.

Отсмеявшись, майор поинтересовался:

– И чем же дело закончилось? Помирились?

– Да мы и не ругались. Я подошел, присел рядом, обнял. И сказал: «Милая моя, я очень сильно тебя люблю, но никогда не делай при мне резких и агрессивных движений...»

С Жериным, особенно когда он пребывал в нетрезвом состоянии, действительно лучше было не шутить. Огромного роста – под два метра. Лысый выбритый череп на бычьей шее блестел, как коленка профессиональной минетчицы. А своими ручищами, размером «угадай, в какой ладони двухпудовая гиря», он всегда размахивал так, что если кого-то случайно задевал, то в память об этом «прикосновении» оставался приличный синяк.

В общем и целом, как говорят рубрики мяса, андюхина тушка и головная часть выглядели привлекательно. Недаром жена за него держалась, любила и ревновала по любому поводу. Однажды приключилась знатная история, породившая массу шуток и позитивных воспоминаний.

Приперся Андрюха на службу понурый и мрачный. Во взгляде лысого монстра царило детское недоумение.

– Что с тобой? – поинтересовались сослуживцы. – Недопил или недоспал?

– Жена из дому выгнала, – буркнул он.

И в качестве железного аргумента швырнул в угол курилки дорожную сумку со шмотками.

Сослуживцы переглянулись. Жерин, конечно же, не был идеальным семьянином, но и больших косяков ранее не допускал. Бухал умеренно, на сторону не ходил, супругу не обижал, не скандалил.

– Рассказывай, – усадил его рядом с собой командир. – А мы подумаем, как и чем помочь.

– Да мне и рассказывать-то особо нечего, – вздохнул тот. – Вчера пришел со службы, помылся в душе, поужинал и лег спать. Утром просыпаюсь – жена не разговаривает, а у входной двери уже стоит собранная сумка.

Соколов не поверил:

– Прямо так взяла и выгнала безо всякого повода?

– Ну, не совсем без повода. Но причина, прямо скажу, чистый бред, – развел Андрюха ручищами. И, вдруг повернувшись к командиру, спросил: – Слушай, Толя, а откуда нам ветошь поставляют для чистки оружия?

Обалдев от неожиданного вопроса, Соколов на пару секунд впал в прострацию. Потом припомнил:

– Мешки с тряпками нам привозят с подмосковной фабрики. Если не ошибаюсь, это отходы швейного производства. А какая связь между тряпками и скандалом в твоей семье?

– Понимаешь, я вчера чистил два автомата – свой и Вовки Губина.

– Ну?

– Потом машинально сунул промасленную ветошь в карман камуфляжки и забыл про нее. А форму повез домой, чтоб жена постирала; она с вечера закинула ее в машинку, а утром стала доставать и обнаружила в кармане вот это, – выудил он на свет божий женские трусики. И, потрясая ими в воздухе, возмутился: – Они там на фабрике совсем охренели такие подставы сооружать?! Хотя бы рвали их на части, что ли!..

Курилку огласил дружный гогот товарищей.

– Да, это уже серьезно, – отсмеявшись, подвел черту командир группы. – Что ж, надо подумать, как спасти твою отдельно взятую ячейку общества...

После короткого обсуждения было решено передать суть истории ревливой супруге Андрея через жену Губина. Они дружили семьями, и данный вариант представлялся самым простым.

Трое суток Андрюхе все же пришлось прожить в офицерском общежитии основной спецназовской базы. Потом к ним в распоряжение якобы случайно наведались две подружки: жены Губина и Жерина. Кто-то из парней показал им ружейную комнату и при этом торжественно вывалил на пол содержимое большого мешка. В куче тряпок тут же были найдены несколько элементов женского нижнего белья. Справедливость восторжествовала, Андрюха был прощен и помилован.

Однако на этом история не закончилась.

Спустя пару недель Жерин получил в финчасти зарплату и собирался отбыть до дому. Но в коридоре его окликнул Соколов:

– Андрюша, между прочим, с тебя причитается три тысячи.

– С какой стати? – остановился тот.

– Как с какой стати?! За трусы!

– За какие трусы?

– За те, что нашлись у тебя в кармане.

– Командир, мне за ту нервотрепку, наоборот, доплатить должны... – начал было канючить и оправдываться капитан.

Но майор, понизив голос, сказал:

– Не пили мне мозг, Андрюша. Нам привозят эти тряпки на протяжении многих лет, и ни разу трусы никому не попадались. Не шьют на той фабрике трусов, понимаешь? И если бы я лично не потратил три штуки на покупку бабского нижнего белья и не засунул бы его в мешок, то не было бы тебе прощения. И нервов бы ты потратил гораздо больше...

– ...В субботу поехал в гипер закупаться. Жена осталась дома заниматься бытом, а мне выдала огромный список, – опять бубнил сзади Жерин. – Ну, как водится, на входе в гипер от нее звонок и вдогон еще пяток пунктов. В итоге захожу в «Ives Rocher»: лысый, слишком большой, в джинсе и мятой коже. На кассе местной фее говорю: выдай-ка мне помаду «Estee Lauder» № 22. Вы не представляете, какое лицо было у феи, когда она несла мне эту помаду. По-моему, в ее мироздании что-то сломалось.

– Ты бы еще голым по пояс к ней подошел! – ржал Костин.

Соколов тоже давился от смеха, представляя Андрюху в отделе косметики.

– Толя, а полковник Демидов при вас в училище пришел из войск? – после непродолжительной паузы спросил Костин, окончивший военное учебное заведение на три года позже Соколова.

– Служил такой. Но при нас он был подполковником. А чего ты про него завел речь?

– Вспомнил, как он гонял нас на первом курсе. Я на этих кроссах и марш-бросках думал, что не доживу до второго курса – концы где-нибудь под кустиком отдам. Или свихнусь от перенапряжения.

– Многие так думали. А потом спасибо ему говорили.

– Вас тоже гоняли по схеме: три недели теории плюс одна неделя практики?

– Разве изобрели что-нибудь умнее? Если схема работает – зачем ее менять? Сначала сидели в учебных классах, слушали лекции, штудировали литературу. Потом на стрельбище стреляли из всего, что стреляет – от пушек БМП до пистолета Макарова. Бегали в атаку и закрывали грудью амбразуры на занятиях по тактике.

– Или гробили боевую технику на танкодроме, – добродушно засмеявшись, добавил Костин.

– Точно, – кивнул Соколов. – И такое бывало...

Соколов был крепким тридцатилетним мужчиной чуть выше среднего роста. Темные волосы с первым налетом седины на висках, постоянная щетина на щеках и подбородке, за исключением тех редких случаев, когда приходилось надевать парадную форму и участвовать в каких-то торжественных мероприятиях.

За плечами было окончание знаменитого Рязанского училища, служба в десантной бригаде, перевод в Управление специальных мероприятий Министерства обороны и целая череда сложных и тяжелейших операций во многих уголках планеты.

Обзавестись семьей он так и не успел, объясняя это нехваткой времени на устройство личной жизни. Однокомнатную квартиру получил на московской окраине сразу после зачисления в штат Управления. В ней между командировками и проживал.

Отпуска проводил на российских курортах, иногда наезжал в Черногорию, Хорватию, но больше всего полюбил горнолыжные курорты солнечной Болгарии. Тамошние жители прекрасно понимали русский язык, были приветливы и удивительно спокойны. К тому же Анатолию нравилась болгарская кухня, богатая мясными и натуральными молочными продуктами. Летом он брал пару недель и, отоспавшись, летел к морю. Зимой бронировал номер в отелях Банско или Пампорово и наслаждался пейзажами зимних гор.

Воевать он умел, вкладывал в службу все силы, здоровье и опыт. Иногда выматывался на операциях так, что начальник Управления – генерал-майор Кузенко – сам предлагал отдохнуть в течение нескольких суток.

Накупив продуктов в расположенном неподалеку от дома магазине, Соколов запирался в своей квартире, садился за компьютер и слушал музыку, просматривал новые фильмы. Иногда даже гонял в «Танки», предпочитая играть на артиллерии... В этой популярной игре он имел самую крутую фиолетовую статистику и набожил на атрах более пятидесяти тысяч боев. Если кто-то взялся бы собрать все матерные выражения, когда-либо сказанные в его адрес владельцами уничтоженных и покалеченных им танков, то вышел бы увесистый сборник томов этак в сорок. Выпустив в противника очередной «чемодан», он читал в чате проклятия и усмехался:

– Учитесь воевать молча, сынки...

Иногда он знакомился с красивыми девушками, но в силу его занятости и наличия длительных командировок это происходило нечасто. Он давно считал себя самодостаточным: хорошо зарабатывал, без проблем оплачивал жилье, налоги, быт, еду, технику, содержание автомобиля, отдых на лучших курортах. Сам убирался в квартире, сам стирал, гладил. Гото-

вил нечасто, но если уж брался, то делал это мастерски. Хуже всего относился к мытью посуды и приступал к данной процедуре, когда гора в раковине начинала напоминать Мон-блан.

Девушки на его территории изредка появлялись, и если какая-то после бурной ночи решала задержаться, то он сразу ощущал дискомфорт. Причиной тому была некая Виктория, с которой он когда-то прожил под одной крышей около года. Это была приятная барышня с идеальной фигурой, красивым лицом и пышными русыми волосами.

Познакомились они случайно на курорте в Черногории, оказалось, что живет Вика у бабушки в ближнем Подмоскowie, а работает в офисе совсем рядом с домом Анатолия. Вернувшись с отдыха в Москву, они стали встречаться; через некоторое время он предложил пожить у него. Так и стартовал его единственный гражданский брак.

Поначалу все было хорошо: в квартире идеальный порядок, всегда чистая посуда, салатики по утрам, добротные ужины по вечерам, а в выходные – что-нибудь вкусненькое из духовки. Он баловал ее подарками, по субботним вечерам водил в клубы, театры, кафе-рестораны; по воскресеньям устраивал шопинг-туры по магазинам. В общем, старался разнообразить жизнь.

Но постепенно запал у Вики угас. То ли избаловалась, то ли стала проявляться врожденная лень. Бытовые хлопоты ее не интересовали и, возвращаясь со службы, Соколов все чаще заставлял в квартире бардак, а на кухне – гору той же немытой посуды. Салатики по утрам стали редкостью – вместо них гражданская супруга ставила перед ним обычный йогурт. Постепенно забылись добротные ужины и исчезли из меню печеные вкусняшки.

Спала она до десяти утра, после чего неспешно собиралась в офис, где задерживалась до восьми вечера. Дома допоздна засиживалась за компьютером. По выходным могла проспать до часу дня, поэтому большая часть работы по хозяйству опять легла на плечи Анатолия.

Намеки на штамп в паспорте стали звучать из ее уст едва ли не каждый день. Он пытался мягко объяснить, что она – женщина и будущая мать, но при этом был вынужден тянуть он. Непорядок. Как минимум раз в два месяца он отбывает в командировку, которая может затянуться на несколько недель – как же она будет справляться, если и без ребенка ничего не успевает?

В ответ звучали сказки Андерсена о том, как разом переменится их жизнь, если она станет его законной второй половинкой. Расклад ожидался примерно таким: сразу после свадьбы она увольняется с работы; утром обязательно поднимается вместе с мужем, готовит ему сытный завтрак и провожает на службу в выстиранной и наглаженной форме. Далее целый день жужжит пчелкой, воспитывая ребенка, убираясь, стирая, готовя и с расчетливой экономией тратя заработанные любимым мужем деньги. Вечером вся из себя красивая и ухоженная Виктория вместе с холеным ребеночком встречает главу семейства царским ужином в чистой квартире. А ночью – на работу же ходить не надо, голова от нее не болит – она дарит ему незабываемый секс. И так счастливо они живут до самой инвалидной старости.

Что удивительно, родители Анатолия, да и многие друзья поддерживали эту странную теорию, почерпнутую в одной из телепередач. И в один голос твердили:

– Да-да, так и будет. В каждой женщине после визита в ЗАГС просыпается заветный инстинкт, и она перерождается...

И только один Соколов почему-то в это не верил. Он смотрел на свою Вику и невольно сравнивал ее со старым заслуженным алкоголиком, который в очередной раз клянется бросить пить. Потом шел на кухню мыть посуду, варить макароны и закидывать в машинку грязное белье, пока потенциальная чудо-супруга болтала с подружками по телефону...

В один из выходных, когда гражданская женушка проспала до двух часов дня, он сделал всю работу по дому, собрал ее вещички и поставил у двери. Разбудив, дал полчаса на сборы. И никакие слезы, извинения и обещания не помогли изменить его решения.

С конца прошлого века город Тольятти занимал одно из лидирующих мест в России по угонам автомобилей, опережая Москву, Питер, Екатеринбург и Новосибирск. Город выживал за счет так называемого промысла – разборки на запчасти угнанных машин. «Промыслом» занималась значительная часть трудоспособных мужчин в гаражных боксах, коих в Тольятти насчитывалось более сорока тысяч. И эта цифра тоже являлась самой большой в нашей стране. К примеру, в московском «шанхае» на Вернадского их всего пять тысяч.

– Ментовские законы в тольяттинских боксах не работают, – инструктировал группу перед выездом генерал-майор Андрей Георгиевич Кузенко. – Воровские законы тоже не в почете. В основном там живут и работают по общечеловеческим. Не можешь что-то сделать – промолчи. А сказал – делай. О полиции и чиновниках гаражные умельцы говорят примерно так: «Пошли по беспределу и попутали берега». Воров не жалуют, считая, что понятия уже не те. Хотя уголовную тематику знают не понаслышке. Во-первых, по оперативным данным, каждый пятый гаражник был осужден. Во-вторых, сказывается близость к мордовским, саратовским и самарским колониям...

Почти тысячу километров по трассам от Москвы до Тольятти группа решила преодолеть до утра следующего дня. С этой целью они выехали от ворот Управления спецмероприятий еще засветло. Погода была теплой, безветренной, новенькие внедорожники быстро ехали по сухой и относительно ровной трассе.

– ...Стоять, идиот! Куда целишься?! Как стреляешь, придурок?! – делился воспоминаниями о полигонной жизни в училище Жерин.

Старшие товарищи слушали и снисходительно посмеивались.

– И так каждый месяц, между прочим. Полигон от училища в пятнадцати километрах, и туда надо еще попасть. А офицеры – что? Им главное – обеспечить курсантам тяготы и лишения в невообразимом количестве. Поэтому на полигон мы бежали со всем «железом» на горбу, не считая РД с укладкой.

– Ты так это преподносишь, словно мы с Владиком учились в Сельскохозяйственном институте, – усмехнулся Соколов. – Мы с ним тоже бегали и зимой, и летом. Осенью в дождь и по грязи, зимой в мороз и по сугробам.

Костин подтвердил:

– Точно в дырочку. В расписании занятий на месяц просто значился: «Полигон». И того, кто составлял это расписание, прогноз погоды волновал меньше всего остального...

В Тольятти спецназовцев интересовал огромный гаражный массив в безымянном квартале Автозаводского района. Квартал находился рядом с Волгой, цеха знаменитого завода тоже были поблизости, как и несколько километров стоящих рядами старых кирпичных пятиэтажек. Часть домов была заброшена: ни окон, ни подключенных коммуникаций, из обитателей только бомжи, наркоманы и любители бесплатных притонов.

Среди этих домов и скрывались интересующие спецназовцев боксы. Каждый кирпичный дом состоял из пяти надземных этажей. Под землей в виде подвалов имелись бесчисленные боксы, используемые под автомастерские и склады. В складах хранились левые медикаменты, амфетамины, паленый алкоголь и прочие криминальные «прелести». Здесь же в лучах специальных ламп выращивалась марихуана. Здесь же существовало вполне легальное производство, а также прятались, отстаивались и разбирались угнанные автомобили. В общем, жизнь в здешних боксах была ключом и днем, и ночью.

Существовали и другие боксы – специально построенные под землей километровые тоннели с многочисленными ответвлениями. Именно такой группе «Ангара» и предстояло проверить.

– ...Сильнее других нас дрючили преподаватели с кафедры вождения боевых машин. Там происходило нечто! – развлекал друзей рассказами Жерин.

– А что у вас такого происходило? – вяло поинтересовался Костин. – Мы тоже поехали там немало, но ничего из ряда вон выходящего не было.

– Владик, если бы мне пришлось стать преподавателем этой кафедры, я бы написал роман в трех томах и назвал бы его «Ваша мать». Ну, это с цензурой, конечно. А без нее в оригинале там стояли бы одни точки...

Внедорожники мчались по ночной трассе, с каждым километром приближаясь к волжскому городу. Навстречу то и дело проезжали большегрузные фуры, ослепляя светом мощных фар.

– Вы про Болвана ничего не слышали? – внезапно спросил он.

– Болванов по жизни много, – философски заметил командир. – О каком-то наверняка слышали.

– На нашем курсе был такой курсант – Ванька Еремеев. И кличку Болван дали ему вовсе не мы, а преподы с кафедры вождения.

– Что-то я не припомню такого юмора со стороны тамошних полковников, – возразил Костин. – Там в основном все серьезные мужики служили.

– А как бы ты назвал человека, который за пару месяцев обучения разбил в хлам три БМП?

– Три?!

– Вот именно – три.

– Как это он умудрился? Она ж не убиваемая и рассчитана на добровольцев из Средней Азии!

– Мы тоже думали, что сломать ее невозможно! Но наш Ванька болел тяжелой формой «технического кретинизма» и имел другое мнение. Главное состояло в том, что в теории и на тренажерах у него получалось абсолютно все. Даже лучше других. А стоило сесть за штурвал БМП – все, пипец машине. Что он вытворял – не передать!

– Так что он вытворял? – хором спросили Соколов с Костиным.

– Представьте себе яркий солнечный день: тепло, тихо, птички поют, легкий ветерок колышет молодые одуванчики. А посреди ровного поля гусями кверху «загорает» БМП.

– Как это? – неуверенно спросил майор.

– Вот и преподы наши, мешая великий русский язык с великим русским матом, на него орали: «Как?! Как ты, болван, умудрился это сделать?!» А Ваня стоит, глазами хлопает и объяснить ничего не может. И никто не может, так как подобный фортель без нарушения фундаментальных законов физики сотворить нельзя! В тот день он и получил свое прозвище – Болван...

Необходимость срочной командировки спецназа в Тольятти назрела в тот момент, когда в Управление спецмероприятий поступила информация о принудительном удержании в одном из подземных боксов нескольких десятков людей.

Слухи о странных исчезновениях тольяттинцев давно будоражили не только город, Самарскую область и Поволжье. Об этом жутком феномене знали и в столице, но до определенной поры сделать ничего не могли. Послали в Тольятти несколько сотрудников в штатском: вжиться, пронюхать обстановку, разузнать подробности. Через пару месяцев те вернулись в Москву и привезли кое-какую информацию, позволявшую с относительной точностью определить место содержания пленников.

- ...А однажды Болван и меня чуть не угробил, – с тяжелым вздохом признался Жерин.
- А тебя-то за что? – подпалил сигарету майор.

– Сдавали мы в конце практики контрольные нормативы по вождению. Забрался я на БМП в противотанковый ров, переплыл грязную канаву и на подъеме встал – в дизеле засорился топливопровод. Мне по радио с вышки орут: «Ты куда пропал?! Почему не двигаешься?» – «Во рву, – отвечаю. – Заглох». После этого на вышке начинается форменная паника. «Он ни хрена не слышит!! Сваливайте из машины!! Бегите в лес!..» Мы с инструктором сидим на штатных местах и ничего не понимаем. Кто не слышит? Кому сваливать из машины? Зачем бежать в лес?.. Вдруг до меня доходит: следующим со старта рванул Болван! В общем, вся моя короткая жизнь за секунду перед глазами пронеслась, пока я машину аварийно покидал. А движок другой БМП, между прочим, ревел уже рядом. Короче, едва мы с инструктором успели отбежать на пяток метров, как на полной скорости в ров влетает Болван.

– Зачем же он в ров-то на полной скорости? – удивленно спросил Костин. – Разве рвы так преодолевают?

– Потому что он – Болван. Педаль в пол и чешет на четвертой, не замечая препятствий! – всплеснул руками Андрюха.

– И чем же закончился этот полет?

– Чем... Гусями посшибал нам все прицелы, сломал бронелист, покорежил двигло. Свою «бэху» тоже ушатал в хлам, врезавшись в противоположный бруствер. Вот так за пару секунд училище лишилось двух БМП. И такие истории с Болваном происходили постоянно.

– Подобных дебилов надо отчислять сразу, – пробурчал Владислав. – Мало того что они коллекционируют беды, так еще и других под монастырь подводят.

– Не вышло. У преподаов после того случая терпение лопнуло, и они в полном составе написали рапорт начальнику училища. Дескать, если не отчислим – останемся без техники.

– А он?

– Вызвал начальника кафедры к себе в кабинет и отчитал по полной программе. «Вам, – говорит, – за что большие деньги платят? За неспособность обучить курсанта? Учите, тренируйте, натаскивайте. И чтоб к экзаменам он все умел не хуже других». Одним словом, окончил Болван с горем пополам училище. Сейчас вроде даже ротой командует.

– Что ж, бывает и так, – подал голос с переднего сиденья Соколов. – Вроде ничего у человека не получается, как ни старается. А потом, будто тумблер в голове щелкает, и все встает на свои места...

Дело это было крайне запутанным. Странный клубочек с исчезновением людей поначалу намеревался разматывать Следственный комитет вкупе с ФСБ. Но когда выяснилось, что среди канувших в безвестность числятся и военные пенсионеры, за него взялось Управление спецмероприятий Министерства обороны.

– Своих в беде не бросаем, – коротко резюмировал начальник Управления и отправил в командировку троих опытных сотрудников.

Через два месяца начала вырисовываться относительно четкая картинка: к исчезновению людей скорее всего причастна тольяттинская автомобильная мафия.

Один из агентов собрал минимум информации из-за того, что сам едва не попал в поле зрения преступной группировки и еле успел унести ноги.

Второй устроился в автомастерскую и в разговорах с коллегами кое-что разузнал из жизни местных мафиози.

Более других преуспел третий. Он мало соображал в автохламе и «кишках» машин, но имел «язык без костей» и хватку настоящего предпринимателя. Для того чтобы вте-

реться в доверие к обитателям гаражных боксов, ему пришлось вначале купить подержанную «гранту» и тут же найти перекупщика для ее продажи.

Наварить на сделке удалось мало, но за сговорчивость он приобрел сомнительного знакомого по имени Гера-рихтовщик. Это был тощий болезненный мужичок лет тридцати трех, с бегающими карими глазками и вытянутой эллипсом лысеющей головой.

Желая упрочить знакомство, агент предложил отметить сделку. В результате он купил хорошей водки, обильной закуски, и они уединились в боксе.

– Понятия рабочего времени у нас нет, – попыхивая сигаретой, рассказывал Гера-рихтовщик после первого стакана водки. – Народ работает, когда хочет. И когда есть работа.

Перед ними на ящике из-под апельсинов стояла нехитрая посуда и банка «Nescafé» вместо пепельницы. Вдоль стены бокса располагался верстак и длинная полка с инструментами. Там же пылился допотопный кассетный магнитофон, а рядом лежала дверца от «Жигулей» со свежим слоем грунтовки. В одном углу высилась гора резиновых шлепанцев, в другом пылилась стопка листового металла.

Тот вечер за литром русской водки стал отправной точкой в успешной командировке агента. Разговорившись, Гера-рихтовщик сболтнул лишнего.

– Тут у нас знаешь, какие дела проворачиваются! – не без гордости поведал он. И тихо добавил: – Ты даже представить такое не можешь!

– Это чего же я не могу представить? – подначил агент. – В наше беспокойное время даже работоторговля входит в норму.

– Работоторговля – это мелочи. В наших боксах, между прочим, не только машины на запчасти разбирают.

– Не понял? – замер москвич.

Последняя фраза собутыльника и в самом деле поставила его в тупик.

– О пропадавших людях в Тольятти слыхал? – спросил Гера. И тут же махнул рукой: – Да откуда ты мог об этом слышать – ты же не местный!

– Нет, ничего не слышал.

– Вот. А они у нас регулярно исчезают. И заканчивают свой земной путь здесь – в боксах.

Пускаться в подробности рихтовщик не стал, а сотрудник Управления лезть с вопросами побоялся, дабы не вызвать подозрений. Несмотря на изрядное опьянение, новый знакомец соображал неплохо.

А месяц спустя – после детальной проработки операции – в сторону Тольятти уже неслись два внедорожника с группой майора Соколова. Впереди и слева над горизонтом небо уже окрасилось в фиолетовые тона. До рассвета оставалось около часа.

– А у меня остались самые светлые воспоминания от летнего лагеря, – с хрустом потянулся Костин. – Особенно от марш-бросков с полной амуницией.

– От пробежек? – едва не хором переспросили друзья. – Ты что спятил?! Чего в них было кайфового?

– Помните, там километра через три в лесном массиве маршрут проходил мимо «дурки»? – таинственно улыбнувшись, спросил Владислав.

– Да, была какая-то закрытая клиника. Поговаривали, будто психи с тяжелой формой лечились.

– Точно, – лениво подтвердил Костин. – Некоторых санитары даже на поводках на прогулку выводили, как бойцовских собак. Наверное, самых буйных или опасных.

Жерин, не моргая, глядел на товарища:

– И в чем же прикол?

– Пока мы бежали мимо длинного забора клиники, у нас было полминуты на общение с психами. И вот представьте: рота курсантов прилипает к забору и, барабаня по прутьям касками и саперными лопатками, кричат: «Как служба, коллеги?» «Коллеги» от этого жуткого грохота начинали в истерике метаться по двору клиники, таская на поводках несчастных санитаров. Короче, в лечебном заведении начинался настоящий дурдом.

– Ну, вы даете, – усмехнулся Соколов. – Мы тысячу раз мимо этой клиники бегали, и никому в голову не приходило провоцировать психов.

– Наш комбат тоже не оценил юмора, – признался Владислав. – Однажды он сказал: «Когда мне доложили о ваших выходках, то пришлось задуматься над вопросом, с какой стороны забора находятся по-настоящему больные люди...»

Костин опустил оконное стекло и выбросил в ночь окурок.

– И долго вы издевались над бедными людьми?

– Нет. Вскоре наш курс построил начальник училища и дал слово какому-то пожилому гражданскому мужику. Оказалось, что это директор клиники, известный профессор.

– Он вас вылечил?

– Да. Причем сразу. «После каждой вашей пробежки, – сказал он, поглаживая клиновидную бородку, – мы вынуждены пациентам колоть ядерные дозы успокоительных препаратов. Пожалуйста, не беспокойте этих несчастных людей».

– Ага, так вы и его послушались, – язвительно заметил Жерин.

– Никто и не собирался его слушать. Но проблема состояла в том, что генерал тоже это отлично понимал. Поэтому он просто взял и в приказном порядке изменил маршрут маршбросков, увеличив его на пару километров. И с тех пор мы стали бегать, давая приличный крюк вокруг клиники.

– Так вам и надо, – улыбнулся Соколов.

И покосился на часы.

А в Тольятти группа рассчитывала прибыть в восемь утра.

Глава третья

Сирия, селение Эриха – селение Джир-эль-Гам

Сирия, российская авиабаза Хмеймим

Наше время

Щурясь от солнца, Осипов рассматривал приближавшиеся автомобили. «Данная территория контролируется правительственными войсками, – размышлял он. – Девяносто девять к одному, что внутри машин находятся наши союзники. Или те, кому политика по барабану».

Да, вероятность того, что внедорожники принадлежали оппозиции или, хуже того, – игиловцам, имелась. Но она была настолько мизерной, что старший лейтенант попросту отбросил это предположение. Он уже думал о другом.

«Я, как старший конвойной группы, обязан остаться здесь до прибытия начальства. Им нужно будет доложить о налете американских истребителей, о потерях... А за помощью я отправлю сержанта Рымова и рядового Катаева. Пока они едут, займусь телами погибших ребят...»

Заметив, как внедорожники сбавили скорость, подъезжая к горящим остовам грузовиков и «бэтээров», он машинально сделал несколько шагов навстречу и вскинул вверх руку.

Все шло по плану – метрах в тридцати автомобили начали плавно притормаживать. Но потом вдруг случилось неожиданное: из приоткрытых окон вылетело несколько предметов.

«Гранаты!» – мелькнула догадка.

Осипов прыгнул в прыжок, тянувшийся вдоль дороги, и крикнул своим бойцам:

– Ложись!

Они последовали его примеру. Кто-то из них даже успел дать короткую очередь из автомата.

Старлей лежал, прикрыв голову и ожидая взрывов. Но вместо оглушающей ударной волны он вдруг услышал пару звонких щелчков и последовавшее за ними злое шипение. Обоняние сразу уловило странный запах.

А через несколько секунд Осипов с удивлением понял, что сознание мутнеет. Глаза заволакивал туман, подкатывала тошнота. Закрыв лицо рукой, он несколько раз кашлянул. Затем ощутил слабость, мышцы становились ватными и отказывались подчиняться...

– Четверо, Юнес! – доложил молодой боевик Али Баури.

– Офицер есть?

– Да, один.

– Грузите их в пикапы. Фираз, пробеги вдоль дороги и посмотри, нет ли еще живых.

– Понял...

Али Баури, Мосаб Долай и Гияс Вадар начали погрузку бесчувственных тел в багажники внедорожников. А Фираз Метри побежал вдоль уничтоженной колонны, останавливаясь на несколько секунд у каждого лежащего российского бойца.

Помощник полевого командира Юнес Таиб стоял рядом с головным внедорожником и, докуривая сигарету, поглядывал на часы. Операцию нужно было проверить быстро и не задерживаться в этом опасном месте. Каждую минуту в небе могли появиться самолеты или вертолеты российских ВКС, а встреча с ними в планы Юнеса не входила.

– Живее, живее! – поторапливал он подчиненных.

– Готово! Оружие собирать будем? – утерев с лица пот, спросил Али.

– В другой раз. Садитесь в машины.

Боевики заняли места в салонах. Последним на заднее сиденье первого автомобиля запрыгнул Фираз.

– Все, кого нашел, – мертвы, – доложил он.

– Четверо – тоже неплохо, – кивнул Юнес. И приказал: – Поехали!

Внедорожники развернулись и дружно рванули в обратном направлении, оставляя за собой прозрачные облачка белесой пыли.

На самом деле оба внедорожника не имели отношения к встречавшим гуманитарный конвой. Да и приехали они вовсе не из Алеппо. Захватив наших бойцов и промчавшись полтора километра по трассе на северо-восток, они свернули вправо на примыкавшую грунтовку и, скрываясь в складках местности, двинулись в сторону небольшого селения Джир-эль-Гам.

Селение находилось восточнее Алеппо, на территории, подконтрольной силам ИГИЛ. Однако до линии соприкосновения с войсками Асада было слишком близко, и полевой командир Самир Абуд расположил свой штаб в горном селении у турецкой границы, а в самом Джир-эль-Гаме оставалась лишь небольшая группа, жившая в усадьбе, находящейся в северной части села.

Ехать по грунтовке предстояло более часа, и почти половину пути внедорожники должны были пройти по территории противника. Дорогу Юнес выбрал малопроезжую и надеялся проскочить до селения без остановок и приключений. Впрочем, войска Асада на данном участке были здорово рассредоточены, и нарваться можно было лишь на патрульную группу или же повстречать «вертушки».

Водители выжимали из двигателей максимальную мощность. Через двадцать минут бешеной гонки пленники начали приходить в себя.

– Али, ты хорошо их связал? – не оборачиваясь, спросил Юнес.

– Да, брат.

– Присматривай за ними. И предупреди по рации братьев из второй машины – пусть тоже не спускают с них глаз. Эти русские продолжают драться даже тогда, когда до смерти остается несколько секунд.

– Понял...

Молодой боевик включил небольшую рацию и передал приказ.

– Да, Али, у нас все нормально, – отозвался Фираз. – Пленники связаны и ведут себя тихо.

– Передай, пусть не отстают и держат дистанцию в пятьдесят метров, – подсказал заместитель полевого командира.

– Юнес требует держать дистанцию. Не отставайте! – продублировал Али.

– Поняли!

Вскоре внедорожники промчались по центральной улочке небольшого селения – единственного на всем пути до Джир-эль-Гама.

Последние домишки остались позади. Машины проскочили мимо виноградных полей, а затем вокруг опять потянулась бескрайняя местность с оврагами, взгорками и редкими островками растительности...

Внедорожники двигались настолько быстро, что дорога заняла всего лишь час. Объехав Джир-эль-Гам с юго-запада, они добрались до конечной цели путешествия.

Усадьба считалась самой большой в этом селении. Участок в четверть гектара был обнесен высоким каменным забором. Со стороны улицы возвышались парадные ворота, с противоположной был устроен заезд для большегрузной техники. Ближе к улице стоял доб-

ротный двухэтажный дом, слева от него – несколько надворных построек. Между воротами и домом имелась обширная стоянка, на которой под маскировочной сетью от солнца и самолетов-разведчиков пряталось несколько легковых автомобилей.

Завернув на улочку, лидирующий внедорожник трижды посигналил. Ворота открыли вооруженные охранники. Пара машин, не останавливаясь, заехала во двор и остановилась под сетью.

Встретить боевиков вышел сам полевой командир.

– Как успехи? – спросил он покинувшего салон Юнеса.

– Все по плану, Самир, – с довольной улыбкой ответил тот. – Четверых взяли.

– Русские?

– Да.

– Остальные?

– Фираз пробежался вдоль разбитой колонны – все мертвы.

– Молодцы! – хлопнул его по плечу полевой командир.

– Видишь, Самир, информация американцев о колонне и ее расстреле не была блефом.

– И все равно доверять им нельзя. Сегодня они вместе с нами воюют против русских, а завтра, увидев выгоду, предадут нас и станут улыбаться тем же русским...

Тем временем боевики вытащили из багажников четверых пленных. Руки их по-прежнему были связаны, однако от воздействия газа они успели отойти.

Самир Абуд подошел к пленным и осмотрел каждого.

– Это хорошо, что среди них нет раненых, – сказал он. И распорядился: – Всех четверых – в подвал. Кормить и поить три раза в день. И не забывайте давать им воду, чтобы мылись.

Подталкивая молодых мужчин в спины, бандиты повели их мимо большого дома к входу в подвал. У толстой деревянной двери пленникам приказали присесть на корточки. Один из провожатых открыл замок и спустился вниз, чтобы включить свет и проверить подготовленные помещения.

Устроенный под домом большой подвал был разбит на несколько клетушек. В одной из них хранился инструмент, в двух других – запас овощей. В четвертой содержались пленные сирийские мужчины и десятилетний мальчик. В пятой – две женщины и девочка восьми лет. Еще пяток помещений пустовало.

– Ведите! – крикнул из темноты подвала боевик.

Пленников по одному провели вниз и распределили по двое в два небольших чулана. В этих так называемых «камерах» не было ни окон, ни мебели, ни электрического освещения. На земляном полу валялись старые тряпки, пропахшие мочой и гнилью. Кирпичные стены были покрыты плесенью.

Внутри подвала караульную службу нес один из боевиков. Другой дежурил снаружи у запертой двери. Трижды в день – во время приема пищи – караул менялся.

Тем временем разведка и оперативная служба российской авиабазы получили подтверждение о гибели гуманитарного конвоя. Начальник разведки авиабазы подполковник Михаил Суслов без промедления пришел с докладом к полковнику Северцеву.

– Вы уверены в точности данной информации? – переспросил он, выслушав Михаила.

– К сожалению, ошибки быть не может, – вздохнул подполковник. – Вначале прошел доклад от дивизиона ПВО о четырех воздушных целях в районе селения Эриха, дежурный офицер квалифицировал цели как легкие истребители «F-16». Потом информацию подтвердила пара наших «Су-34», возвращавшихся с задания.

– Связь с колонной была потеряна час назад. Неужели американцы сделали это?

– Так точно. Наши пилоты пытались выйти на связь с сопровождающей группой, но те не ответили.

– Ясно, – поднялся полковник. – Я пошел на доклад к командиру базы. А ты займись подготовкой к выходу группы спецназа Жилина.

– Понял...

Майор Жилин и два бойца его группы – старший лейтенант Смирнов и прапорщик Соболев – проживали в гостевом модуле авиабазы. После операции по доставке медикаментов в город Эр-Сабах половина группы отбыла в Россию на отдых. Смирнова и Курко задержали медики, отсрочив из-за ранений их перелет на неделю. Лучший друг Смирнова Соболев решил дожидаться выздоровления и лететь на родину вместе с ним. Ну а командир подумал, что негоже уезжать на отдых, пока кто-то из подчиненных торчит на базе, и тоже остался.

Контузия Смирнова носила легкую форму, все эти дни он проходил амбулаторное лечение в местной медсанчасти и на здоровье не жаловался. С Геней Курко вышло несколько иначе. Сразу после пулевого ранения в область ключицы он потерял много крови и здорово ослаб. Однако медики оперативно оказали ему помощь, и молодой старший лейтенант быстро поправлялся, большую часть времени тоже проводя в модуле. А их здоровые товарищи попросту отсыпались, смотрели телевизор, читали книги.

Прибежав в модуль, Суслов с ходу ворвался в номер Жилина, но там его не было. Майор нашелся в комнате отдыха перед работавшим телевизором.

– Серега, срочно нужна помощь твоей группы!

– Что случилось? – отложив пульт, приподнялся тот из кресла.

– Час назад американские истребители уничтожили гуманитарный конвой.

– Тот, что шел в Алеппо?

– Да. И никто из группы сопровождения не выходит на связь.

Жилин быстрым шагом отправился в свой номер за одеждой и оружием.

– Я всегда рад помочь, но ты не забыл о том, что от моей группы осталось три с половиной человека? – на ходу напомнил он.

– Хотя бы три, – едва поспевал за ним Суслов. – Курко трогать не стоит – пусть набирается сил.

– Естественно.

– Ты тогда собери своих людей и подходи к штабу.

– Хорошо. Сейчас будем...

Спустя десять минут из ворот базы выехали две боевые машины и грузовой автомобиль с тентом над кузовом. В головном «бэтэре», не считая экипажа, находились Суслов, Жилин, Смирнов и Соболев. В БМП-2 – третье отделение взвода охраны авиабазы.

– А чего не на «вертушке», Миша? – спросил Жилин Суслова, когда справа по борту проплыл первый крупный населенный пункт. – На «восьмерке» за десять минут бы долетели.

– Командир базы запретил соваться в тот район, – ответил разведчик.

– Из-за американцев?

– Да. Если «пиндосы» отважились разнести конвой, то лучше не рисковать. Не хватало еще заполучить крупный конфликт с ними в небе.

– Понятно...

До места гибели колонны добрались быстро и без приключений. От сгоревших после прямых попаданий машин остались одни почерневшие остовы. Уцелевшие грузовики и «бэтэры» были либо перевернуты, либо уткнулись носами в приямки обочины. Кругом лежали трупы сирийских водителей и российских военнослужащих.

– А это еще кто? – нахмурился Суслов, увидев у дальнего конца колонны несколько гражданских автомобилей.

– Может, местные жители пришли поглазеть? – предположил майор.

– Местные уже до тошноты насмотрелись на такие «картинки».

Суслов приказал экипажам боевых машин объехать разбитую колонну по обочине и остановиться у неизвестных автомобилей.

– Здравствуйте! Мы журналисты британского телеканала Би-би-си, – тут же объявила бойкая женщина с короткой стрижкой.

На груди ее легкой блузки покачивался бейдж с красной диагональной полосой и крупной надписью «Пресса».

– Привет, – кивнул Суслов и на таком же хорошем английском раздраженно спросил: – Ну что, нравится, как поработали ваши союзнички?

– У вас есть доказательства, что это сделали наши союзники? – вскинув бровь, проговорила мадам с крупными передними зубами.

Ее напарник с телекамерой тут же навел объектив на Суслова и начал снимать.

– А вы полагаете, что это мы сами уничтожили собственную колонну? – выдавил тот.

– И все же, офицер, вы должны опираться на факты.

– К сожалению, у нас нет времени на интервью. А факты наша сторона предоставит в ходе пресс-конференции, – уже спокойнее сказал подполковник и, отвернувшись от репортеров, негромко проворчал: – Уже налетели, стервятники.

– О чем это вы так мило щебетали? – спросил Жилин, не бельмеса не понимавший по-английски.

– Эта сучка требует факты.

– Какие факты?

– Не верит, что колонны разнесли их союзники-американцы.

– А ты?

– Я сказал, что факты наша сторона, безусловно, предоставит, а интервью мы давать не будем.

– Да, не до болтовни нам сейчас, – согласился майор. И предложил: – Ну что, Миша, ты разбирайся по своим вопросам, а я с отделением бойцов займусь погибшими ребятами.

– Давай, Сережа...

Осмотрев все, что осталось от автомобилей с гуманитарной помощью, Суслов вернулся к «бэтэру» и связался по рации с базой. В разговоре с полковником Северцевым он доложил о гибели колонны. Тот принял доклад и пообещал немедленно связаться с сирийскими властями.

Ну, а Жилин со своими людьми и отделением бойцов перетаскивали погибших российских солдат в грузовой автомобиль, а также собирали разбросанное оружие и снаряжение. Покончив с этой работой, он подошел к разведчику и тихо, чтобы не услышали иностранные журналисты, произнес:

– Плохо дело, Миша.

– Что еще? – вопросительно взглянул тот на майора.

– Командир третьего отделения, довольно толковый парень, опознал всех до единого и сказал, что не хватает четверых человек, включая командира взвода – старшего лейтенанта Осипова.

– Может, вы не всех нашли? Виноградники проверили?

– Все прочесали. Пять человек этим занимались.

– Черт... – выдавил из себя подполковник и вновь потянулся к рации.

После его очередного доклада две боевые машины и грузовик развернулись на свободном пятачке дороги и поехали обратно – в сторону российской авиабазы Хмеймим.

Глава четвертая

Сирия, российская авиабаза

Хмеймим – селение Ждир-эль-Гам

Наше время

На авиабазе колонну из трех машин встретили мрачные офицеры: командир базы, начальник штаба, заместитель и командир авиагруппы. Молча заглянув в кузов, где лежали тела погибших бойцов, генерал выслушал подробный доклад начальника разведки и, вздохнув, приказал:

– Через пятнадцать минут всем собраться в моем кабинете...

В кабинете присутствовали только свои. Кроме выше названных, генерал пригласил гражданского представителя МИДа – Сергея Борисовича Ефимова, отвечавшего за связь с сирийской прессой.

Еще раз напомнив о случившемся, командир авиабазы обратился к нему:

– Что говорят об этом новостные каналы?

Молодой мидовец попытался встать, как это делали все офицеры при обращении к ним генерала, но тот жестом остановил его, предложив докладывать сидя.

– Как и следовало ожидать – ничего хорошего, – ответил Ефимов. – Все западные агентства в унисон обвиняют в случившемся Россию.

– И что же они говорят?

– Говорят, что гуманитарный конвой уничтожили ВКС Российской Федерации.

– О как! И факты приводят?

– Разумеется, никаких фактов в их сообщении нет. Только общие фразы и столь же общие обвинения, изобилующие штампами и яркими фантазиями. Якобы кто-то из западных журналистов и местных жителей видел в том районе пару российских бомбардировщиков «Су-24», и вроде как они нанесли бомбовый удар по колонне.

– Американских истребителей, стало быть, никто не видел?

– Про них молчат.

– А про наших погибших бойцов ничего не говорят? Мы что же, по их мнению, своих, что ли, бомбили?

– Вы же знаете, товарищ генерал, что для продвижения выгодных версий западные журналисты не остановятся ни перед чем. Придумают, что угодно и сколько угодно.

– Это верно, – постукивая карандашом по столу, задумчиво проговорил тот. Очнувшись, решительно перешел к делу: – Начальнику штаба в срочном порядке подготовить доклад о всех вылетах с базы за сегодняшний день, с максимальной детализацией: тип воздушного судна, маршрут, время взлета и посадки, цель, загрузка. Командиру авиагруппы снарядить две пары вертолетов для поисков пропавших бойцов. А вы, – глянул он на Суслова, – во-первых, обеспечьте вертолетчиков переводчиками для опроса местного населения, во-вторых, займитесь данными космической разведки: раздобудьте все снимки района, где погиб конвой. Мы должны установить истину и доказать свою непричастность к этой трагедии. Сколько вам нужно времени для исполнения?

– Мне для сбора информации – около часа, – сразу отозвался начальник штаба.

– Для подготовки вылета дежурного звена вертолетов потребуется двадцать минут, – ответил командир авиагруппы.

– Мне потребуется чуть больше часа, – определился Суслов.

– Хорошо. На повторное совещание собираемся ровно через час двадцать минут здесь же. Все свободны...

За обозначенный срок начальник базы на пару с заместителем составили обстоятельный доклад, связались с московским руководством и передали подробности гибели гуманитарного конвоя. Это был уже второй доклад по данному происшествию. Первый раз генерал звонил в Москву сразу, как только узнал о трагедии. Тогда он еще не обладал всей полнотой информации и ограничился лишь констатацией факта.

Узнав о том, что, помимо конвоя, погибло два отделения бойцов, а четверо числятся пропавшими, начальство приказало в кратчайшие сроки разобраться в ситуации. А также предоставить сотруднику МИДа доказательства непричастности нашей стороны к ракетному налету на колонну.

– ...И третье, – с тяжелым вздохом заглянул в блокнот генерал. – Перед нами поставлена задача «...предпринять все меры по розыску четверых российских военнослужащих. Розыску и освобождению в том случае, если они находятся в руках неприятеля. Для решения данных задач разрешаю использовать полномочия в полном объеме». – Закончив чтение, начальник базы закрыл блокнот и обвел взглядом присутствующих.

– Я отобрал все данные и подготовил необходимые документы, – доложил начальник штаба, положив перед генералом тонкую папку. – Здесь полный отчет по вылетам с нашего аэродрома за сегодняшний день. Ни одного воздушного судна в районе гибели гуманитарного конвоя не было.

– По сирийским ВВС навести справки не забыли?

– Навел. По ним справка в этой же папке.

Рядом с папкой легла стопка из десятка снимков.

– А это данные аэрокосмической разведки, – сказал Суслов.

– На них что-нибудь есть? – поинтересовался генерал.

– На двух удалось рассмотреть беспилотник. Момент появления истребителей и нападения на колонну, к сожалению, не зафиксирован.

Генерал нацепил очки, тщательно изучил каждую фотографию и раздраженно проговорил:

– Надо же! Как будто знали время пролета наших спутников! Снята целая колонна с беспилотником, а затем уже уничтоженная, с горящей техникой.

– Не исключаю, что американцы действительно знали время пролета и действовали в коротком интервале их отсутствия.

Приподнявшись, начальник штаба глянул на фотографии и спросил:

– Возле уничтоженной колонны чужих машин нет?

– Нет. Никого нет.

– С первыми двумя задачами все понятно, и мы их практически выполнили, – вернулся на место начштаба. – А что делать с третьей?

– Я тоже не понимаю, где мы будем искать пропавших бойцов, – поддержал его заместитель. – У нас есть хоть какая-то зацепка? Например, в каком направлении их увезли или еще что-то...

Зацепок не было, и все это прекрасно понимали. Единственный человек, кто мог бы пролить свет в этом темном деле, – командир авиагруппы, поднялся со своего места и подошел к карте.

– Дежурное звено вертолетов вылетело на поиски пропавших бойцов около часа назад, – сказал он, вооружившись указкой. – Первая пара совершила облет района, где была расстреляна колонна с гуманитарной помощью. Экипажи выполнили пять посадок у расположенных поблизости селений и с помощью переводчиков опросили местное население.

Один из пастухов рассказал о двух подозрительных внедорожниках, двигавшихся на большой скорости вот по этой грунтовой дороге. – Полковник коснулся кончиком указки карты, скользнул им на северо-восток, повторяя изгибы тонкой коричневой линии, и продолжил доклад: – Вторая пара вертолетов прошла над этой дорогой до селения Джир-эль-Гам, но автомобилей не обнаружила. Исходя из полученной информации, напрашивается вывод: либо внедорожники миновали Джир-эль-Гам и направились по одной из двух дорог, выходящих из данного селения, либо остановились там и были хорошо замаскированы.

– Спасибо, полковник. Садитесь, – бросил на стол очки генерал. И расстроено проговорил: – Да-а, ситуация отвратительная. Отлично знаем, кто совершил преступление, а приходится доказывать всему миру свою непричастность к оному...

Задача группе ставилась в неформальной обстановке – в комнате отдыха гостевого модуля. Вернувшись на базу с места гибели колонны, группа успела сполоснуться в душе и пообедать в столовой. После обеда бойцы собирались вздремнуть, но вдруг в коридоре послышались топот, голоса, затем раздался стук в дверь, и в проеме показалась грузная фигура командира базы.

– Здесь у нас проживает майор Жилин? – вместо приветствия справился генерал.

– Так точно! – поднялся с кровати Сергей и накинул куртку.

– Извини, что потревожил. Дело у нас к тебе и твоим ребятам. Собери-ка группу в комнате отдыха...

Спустя минуту четверо спецназовцев уже топтались в указанном помещении.

– Садитесь, – разрешил генерал.

Вместе с ним в гостевой модуль пожаловал начальник штаба базы и подполковник Суслов. Генерал произнес несколько вступительных фраз о гибели гуманитарного конвоя, потом спросил:

– А почему вас четверо? Мне говорили, что здоровых трое, а четвертый долечивается.

– Старший лейтенант Курко проходит амбулаторное лечение в медсанчасти после ранения в ключицу, – доложил Жилин.

– Как себя чувствуете? – посмотрел командир базы на вставшего старлея.

– Нормально, товарищ генерал. Рука и плечо полностью восстановились.

– Задание не предполагает стычек и перестрелок. Это скорее разведка, и больших нагрузок не предвидится. Так что, если хотите, то можете принять участие в рейде.

– Конечно, хочу, товарищ генерал.

– Вот и хорошо. Кстати, группа будет усилена подполковником Сусловым...

Затем последовала задача. Ее суть была предельно ясна, чего нельзя было сказать о способах выполнения. Прослужил Серега Жилин достаточно, повоевал и похулиганил во многих странах, но такой странной задачи ему никто и никогда не ставил.

– Где же нам их искать? – невольно развел он руками.

– Понимаю, майор, ваше замешательство, – поморщившись, ответил командир базы. – Но и вы нас поймите: более точных данных нет, а задачу по поиску и спасению наших людей выполнить надо.

– Ну, хотя бы обозначьте наиболее вероятное направление, в котором следует «рыть землю».

– Это можно, – кивнул генерал. – Миша, изложи свои соображения.

Суслов успел повесить под телевизионной панелью подробную карту района.

– Час назад на аэродром вернулось дежурное звено вертолетов, – начал он. – Одна пара совершала облет трассы от места гибели колонны до Алеппо с посадками у значимых населенных пунктов. С помощью переводчика экипаж произвел опрос местных жителей и выяснил, что вскоре после обстрела колонны в северо-восточном направлении на большой

скорости проследовали два внедорожника. Вот по этой грунтовой дороге. – И подполковник показал кончиком авторучки ту дорогу, которую получасом ранее обозначил на совещании командир авиагруппы. – Вторая пара вертолетов прошла в данном направлении до небольшого селения Джир-эль-Гам, но машин там не обнаружила. Далее поиски были прекращены, и звено вернулось на базу. Полагаю, что группе следует начать работу именно с этого селения. Сначала провести скрытную разведку, затем – если не будет положительных результатов – опросить местных жителей.

Это уже походило на конкретику, и Жилин отчасти успокоился. Теперь задание не выглядело сказочным «пойди туда, не знаю куда, и найди то, не знаю что».

– Чего такой грустный, Димка?! – толкнул друга в бок Смирнов.

Соболь очнулся от задумчивости, пожевал губами и выдал:

– Своих вспомнил.

– Домой захотелось?

– Нам всем домой давно пора – задержались мы в этой командировке...

Транспортная «восьмерка» в сопровождении боевого «Ми-24» летела на предельной малой высоте на северо-восток от авиабазы Хмеймим. В чреве грузовой кабины находились пять мужчин в камуфлированной форме и при полном снаряжении: подполковник Суслов, майор Жилин, старшие лейтенанты Смирнов и Курко, прапорщик Соболь.

Пара «вертушек» держала курс на южную оконечность длинного леса. Зеленый массив тянулся на двадцать километров с юга на север и упирался в долину с расположенным в ней селением Джир-эль-Гам.

– ...Это точно, задержались, – со вздохом протянул Смирнов. – Ну, а почему же ты с такой печальной миной вспоминаешь домашних? На лице должна красоваться улыбка, когда думаешь о законной супруге и детях!

– О детях всегда так и думаю, – улыбнулся в подтверждение своих слов прапорщик. – А супруга в последнее время достала.

– Что случилось?

– Понимаешь, какое дело... Я хорошо помню, как мы раньше жили: частный деревянный дом без удобств, один продуктовый магазин на весь район, да и тот, почитай, без продуктов. Вместо стиральной машины – доска. У моей матери еще трое, помимо меня, а никаких памперсов и детского питания тогда не знали. Отец вахтовым методом работал – наколет дров перед отъездом, принесет с базара овощей, и на месяц в Сибирь. Мать, помимо домашних забот, еще и на полставки медсестрой подрабатывала. И не жаловалась, тянула.

– Что-то я не пойму, к чему ты об этом?

– Да к тому, что сейчас во сто крат легче, а они все одно ноют!

– Кто?

– Бабы! Живем в благоустроенной квартире с горячей водой и теплым сортиром. В отдельной кухне стоит стиральная машина-автомат и посудомойка. Некогда сбегать в магазин – позвони, и заказ привезут домой. И что ты думаешь, жена мне заявляет?

– Что?

– Ты, говорит, специально в свои командировки уезжаешь, чтобы мне по дому не помогать.

Жилин никогда не видел супругу Соболя. А те, кому «посчастливилось», характеризовали ее как очень скандальную даму с манерой вести дискуссию по принципу «я права, а ты заткнись и обтекай». При этом она имела привычку возмущаться любым действием оппонента. Димка Соболь предпочитал с ней не связываться, так как человек, доживший до сорока, перевоспитанию не подлежит. Кому захочется тратить на бесполезную попытку час своей единственной жизни?

– Во дает! – искренне возмутился Борька. – А «бабки», значит, за командировки берет без вопросов?

– В том-то и дело, что зарплатой моей довольна, – обиженно прогудел Соболев. – А во всем остальном – одни претензии.

– Может, пройдет?

– Надеюсь. У нее случаются такие периоды. Я их называю «гоном»...

Пара вертолетов продолжала полет к намеченной цели.

Пассажиры транспортной «восьмерки» смотрели в круглые иллюминаторы, думая каждый о своем. Обсудив житейские проблемы, замолчали и давние друзья – Смирнов с Соболевым.

Слегка развернувшись, Жилин «наслаждался» видом пустыни и прокручивал в голове план предстоящей операции. «До точки долетим через пятнадцать минут, после посадки быстро шмыгнем в лесочек, – размышлял он. – До захода солнца успеем пройти лесом до южной оконечности селения. А потом придется развернуть бивак для ночевки – наблюдать за населенным пунктом ночью бесполезно. Так что к основному заданию приступим завтра...»

В мирной обстановке Жилин был спокойным, мягким и покладистым человеком. Побеседовать за графинчиком водки – так просто добряк и паинька. Но в бою или во время операций он полностью преображался – становился требовательным к подчиненным и беспощадным к неприятелю. В рукопашной схватке – лучше под руку не попадать.

В курсантскую молодость Серега дисциплину не жаловал и по количеству взысканий лидировал в роте. Однако вызывать на совет училища или выгонять его командиры не торопились, так как разгильдяй был к тому же знатным спортсменом. Все виды единоборств, стрельба, легкая атлетика, троеборье... Парень с легкостью бегал кроссы любой сложности и не просто бегал, а побеждал и приносил в копилочку училища заветные кубки, медали и грамоты. Как такого молодца отчислять? Приходилось работать и воспитывать.

Внешность Жилин имел внушительную: двухметровый рост, широкие плечи, завидная осанка, кривой боксерский нос, волевой подбородок, бычья шея. Накачанное тело было покрыто мускулами, а руки венчались кулаками размером с пивную баварскую кружку.

На последнем курсе Серега набегался по девкам, остепенился и взялся за ум. А подтянув учебу, даже неплохо сдал госэкзамены. В честь подобного перевоплощения командование училища распределило его в известную бригаду ВДВ, но не командиром взвода, а начальником физической подготовки. Сразу на майорскую должность.

Очнувшись от воспоминаний, Жилин развернулся на сиденье и посмотрел на подчиненных. Для его парней сегодняшнее задание было обычной работой – все выглядели спокойными, а старлей Курко даже дремал, опустив голову на грудь.

Подполковник Суслов не спал. Разведка была его профессией, и в данный момент он наверняка обдумывал детали будущей операции.

Из вооружения все пятеро выбрали бесшумные «валы», штатные пистолеты и ножи. Помимо огнестрельного и холодного оружия, у каждого имелось по пять гранат и по тройному боекомплекту. Снаряжение решили взять стандартное: связные портативные радиостанции, приборы ночного видения, навигатор и ночные прицелы. Также были в ранцах сухие пайки и прочие вещицы, но этого добра Жилин приказал взять немного. «Ни к чему набирать жратвы на неделю, если задание рассчитано максимум на трое суток», – подумал он.

До южной оконечности вытянутого лесочка долетели быстро.

Перед посадкой Сергей еще разок развернул карту и освежил в памяти маршрут, по которому группе предстояло протопать более двадцати километров. Место посадки специ-

ально было выбрано на значительном отдалении от Джир-эль-Гама, чтобы злоумышленники не заметили «вертушку» и не успели смыться вместе с похищенными российскими военнослужащими.

На командирской карте селение было обведено овалом синего цвета. Вокруг него на некотором отдалении пестрели ярко-красные кружки и прямоугольники. Так разведка обозначала места возможной или точно установленной дислокации боевиков «Исламского государства», предупреждая таким образом группы российского спецназа об опасности. Знала о близости противника и командование авиабазы, однако на риск пошли сознательно – другого выхода попросту не было.

Наконец транспортный вертолет, разогнав воздушным потоком пылевое облако, мягко коснулся колесами шасси грунта. Сдвинув назад дверь, бортовой техник опустил короткий трап и помог спецназовцам покинуть кабину.

– Удачи, парни! – крикнул он вдогонку.

Добежав до первых деревьев, бойцы остановились и проводили взглядами улетающий вертолет. Когда над лесом установилась полная тишина, группа в походном порядке начала движение на север...

В дозоре шел старший лейтенант Смирнов. По жизни он был балагуром, шутником и балбесом, но когда доходило до серьезной работы – преображался в серьезного и собранного бойца, на которого можно было положиться. Его вниманию и острому зрению порой завидовал штатный снайпер группы – прапорщик Женька Гаврилов.

Вторым топал командир группы, за ним Суслов. Замыкали шествие Соболев с Курко.

На первом этапе пешего перехода все шло по плану: тишина, вокруг ни души, и только частое дыхание подуставших парней...

Миша Суслов хоть и не имел отношения к спецназу, выглядел неплохо: темп держал, грудную клетку не рвал и вообще ни на что не жаловался. Шел на определенном Жилиным месте, поглядывал вокруг и даже успевал запрашивать место по специальному навигатору.

Ничем особенным внешность Суслова не отличалась. На вид около тридцати, невысокого роста. Подвижный, с развитой спортивной фигурой – даже просторная тропическая форма песочного цвета не скрывала мускулистого рельефа тела. На загорелом лице темнели тонкие усы, на безымянном пальце правой руки сверкало золотое обручальное кольцо. Серьезный, деятельный и грамотный мужик. Частенько ходил с группами спецназа на задания, разделяя с ними все тяготы и лишения, за что те его уважали и по праву считали своим.

Через час марш-броска Суслов внезапно остановился и, прищурившись, начал смотреть в небо.

– Стоп, парни! – сказал он.

– Что случилось? – оглянулся Жилин.

– Опять беспилотник.

– Где? – удивленно проследил за взглядом разведчика майор.

– Левее смотри. Видишь?

– Точно. Чего он над лесом делает?

– Понятия не имею. Но лучше держаться от него подальше.

– Как тебе удалось его засечь?

– Звук уловил. Высота полета небольшая, поэтому и слышна работа двигателя.

– Да, гудит, сволочь...

Под глазастыми камерами беспилотника лучше было не маячить, и командир группы объявил привал. Выбрав деревья с густой кроной, группа расположилась на отдых. Местечко казалось вполне подходящим для кратковременного отдыха, и бойцы несуетливо обосновались на травке.

Жилин с Суловым еще разок развернули карту и, получив с навигатора координаты, точно определили свое место. Привычные к походным условиям парни подкреплялись шоколадом, запивая перекус простой водой. Плотнo набивать желудки во время затяжных марш-бросков не рекомендовалось.

– Что подсказывает электроника, Сергей Владимирович? – закуривая, спросил Смирнов.

Спрятав карту, командир отцепил от ремня фляжку.

– Подсказывает, что через час будем на месте. Так что заканчивайте перекур – беспилотник уже смылся.

Туша и закапывая в грунт окурки, спецназовцы поднимались, чтобы продолжить пеший переход.

Глава пятая

Российская Федерация, Тольятти

Наше время

Курсантам давно не терпелось перейти к практике: подержать в руках настоящие пистолеты, ощущая их приятную тяжесть; самостоятельно снарядить магазины боевыми патронами, прицелиться и, наконец, пострелять.

Однако подполковник не торопился прервать затянувшееся вступительное слово.

– На самом деле миф о невероятно точной стрельбе породили не только голливудские фильмы, – мерно расхаживал он вдоль строя. – Примерно о том же повествуют легенды о метких ковбоях, охотничьи байки про «белку в глаз» и красивые истории о средневековых лучниках, пускавших за сто шагов стрелу и попадавших скачущему рыцарю в приоткрытое забрало. Простой народ любит красивые мифы и передает их из поколения в поколение. Так что причина кроется в эмоциях, помноженных на незнание предмета.

– Ясно, товарищ подполковник, – подал голос старшина курсантской роты, надеясь ускорить процесс обучения.

– Что вам ясно, старшина?

– Что именно такие диванные «аналитики» пишут гневные комментарии под сюжетами в Интернете, где полицейские шпигуют пулями какого-нибудь обкуренного отморозка: «Почему они не ранили его в ногу? Разве обязательно было убивать?!»

– Мысль вы уловили правильно, – кивнул инструктор. – Стрелять по рукам и ногам нигде не учат. Учат стрелять на поражение. А точнее – в центр масс противника.

– В центр масс? – растерянно повторил старшина, вероятно, впервые об этом услышав.

– Именно. И на то есть три веские причины. Первая: так проще попасть в цель. Стрелять и попадать – принципиально разные понятия. В критической ситуации попасть прицельно по конечности почти невозможно. Разве что случайно. Вторая причина: если вам посчастливится задеть конечность противника, то не факт, что это его остановит. К примеру, он может находиться под воздействием специальных медицинских препаратов, значительно понижающих болевой порог. И тогда вам конец. Поэтому – только центр масс. Наконец, третья причина. Чисто этическая. Если ваш противник настолько опасен, что в него приходится стрелять, то зачем сохранять ему жизнь? Ваши жизни для нормального командования всегда будут в тысячи раз дороже и важнее, чем жизни каких-то ублюдков. Вы со мной согласны?

– Так точно!

– Теперь переходим к практике.

По курсантскому строю прошла волна одобрительного гула...

Небо окончательно просветлело, солнце уже маячило над горизонтом. Денек обещал быть безветренным и жарким. Внедорожники подъезжали к Тольятти – вдали виднелись заводские трубы и какие-то строения.

В памяти Соколова опять возникали картинки из курсантской молодости. Одна красочней другой. Тряхнув головой, он отогнал воспоминания и прислушался к разговору в салоне автомобиля.

– Вот ты, Владик, во многих странах побывал на отдыхе, – зевнув, сказал Жерин.

– Есть такое дело, – кивнул тот. – Любим мы с супругой по доступным курортам ездить.

– Расскажи, как там?

– Что конкретно тебя интересует?

– Ну-у... как принимают русских? Какой народец из других стран запомнился?

– Наверное, китайцы, – подумав, ответил Костин.

– Почему?

– Странные, с нашей точки зрения, люди. Перемещаются по городам и морскому побережью исключительно толпой человек по сто пятьдесят. Всегда все вокруг фотографируют со скоростью десять снимков в секунду. И также постоянно что-то лепечут на своем басурманском, причем так, что от группы исходит угрожающий гул, как от гидроэлектростанции. Если у этих балбесов рано утром по расписанию экскурсия, то, естественно, на ушах стоит вся гостиница...

«Верно подмечено, – согласился с заместителем Соколов. – Я тоже много раз сталкивался с ними на различных курортах. Могу подписаться под каждым словом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.